

Эти отношения, с самого начала давшие трещину, никогда не вызывали у Цинь Жао сожалений. Он принимал доброту Цзи Шуюя и отвечал на неё тем же.

Однако существовало и нечто иное — то, что нельзя было выносить на свет, но о чём оба молчали, понимая друг друга без слов. Цинь Жао прекрасно осознавал, что рано или поздно за всё придётся платить.

Сомнения в подлинности воспоминаний, о которых постоянно твердил Цзи Шуюй, зародились, когда Цинь Жао начал приходить в себя посреди ночи, припоминая обрывки прошлого.

В его снах, в той самой истории из школьных времён, когда они с Цзи Шуюем сидели за одной партой, явно фигурировал ещё один Альфа, но Цинь Жао никак не мог вспомнить ни его лица, ни имени.

В этих хаотичных образах они прогуливали уроки, чтобы сходить на оперу или погонять на машинах. Они делали множество вещей, в которых Цзи Шуюй не участвовал, но Цинь Жао, как ни старался, не мог восстановить облик того Альфы.

В конце концов, из осколков сновидений так и не удалось собрать цельную картину. Со временем Цинь Жао перестал терзать себя.

Возможно, это были лишь галлюцинации или сбой в памяти. Но нельзя было отрицать, что всё то, чем он занимался в снах с этим таинственным Альфой, было захватывающим и необычным.

Какое-то время Цинь Жао даже с нетерпением ждал, когда снова встретит его во сне.

С тех пор прошло уже четыре года.

И за эти четыре года их с Цзи Шуюем искажённые отношения превратились из тёплых и нежных в шаткие и надломленные.

Цинь Жао до смерти надоели бесконечные проверки со стороны Цзи Шуюя, а тот, казалось, устал от его холодности.

Стоя у окна с чашкой в руках, он смотрел на поток машин на улице.

В этот момент на столе зазвонил телефон.

Цинь Жао подумал, что это Цзи Шуюй, но увидел, что звонит Гу Минтай, чей номер он даже не подписал.

Поколебавшись секунду, он ответил.

— Господин Гу?

Голос Гу Минтая звучал с лёгким эхом, должно быть, он вёл машину:

— Учитель Цинь, вам стало лучше? Я только что освободился и увидел сообщение от Цзиньчи, что он с вами связался.

— Спасибо за заботу, господин Гу. Я уже был в больнице, ничего серьёзного. Я прочитал то, что прислал Цзиньчи, через неделю я вернусь к занятиям.

Разговаривать с Гу Минтаем Цинь Жао было не о чем, к тому же недавний случай, когда у него

случился приступ в доме Гу Минтая и он вцепился в его одежду, просидев в объятиях несколько минут, до сих пор вызывал у него неловкость.

При этой мысли Цинь Жао спохватился:

— Господин Гу, ваша одежда тогда...

— М? Какая одежда? — Гу Минтай в эти дни был занят приёмом дел в дочерней компании своей матери и давно забыл об этом.

Цинь Жао было крайне неловко, но, сжав зубы, он всё же произнёс:

— Та, которую я испортил. Я возмещу ущерб.

На том конце повисла тишина на несколько секунд. Цинь Жао закусил губу, дожидаясь ответа, и от напряжения его бросило в холодный пот.

Затем он услышал, как Гу Минтай тихо рассмеялся:

— Ничего страшного, учитель Цинь, зачем вы до сих пор помните об этом? Это всего лишь одежда, о каком возмещении речь? Если бы вы не напомнили, я бы уже и забыл.

— Мне ужасно жаль.

— Если вы не против, — Цинь Жао понял, что разговор не клеится, и решил сменить тему, — вы, должно быть, очень заняты, не буду вас больше отвлекать.

— Хорошо.

Гу Минтай легко попрощался и повесил трубку.

Больничный Цинь Жао продлили до конца недели, в понедельник нужно было выходить на работу. Занятия с Гу Цзиньчи тоже были назначены на этот день.

Хорошо, что Гу Минтая не оказалось на месте, иначе Цинь Жао не знал бы, как смотреть ему в глаза.

Цинь Жао всегда был таким: событие, заставившее его смутиться, он будет прокручивать в голове очень долго, пока полностью не «переварит» и не сможет отпустить.

Гу Цзиньчи завершил свой двухнедельный период «размышлений над поведением» и начал ходить в школу. Цинь Жао успел провести всего пять или шесть занятий, как подоспело время ежемесячных экзаменов.

Нервничал не только Гу Цзиньчи, но и сам Цинь Жао.

В тот день после обеда в компании все закончили трапезу, и те, кто не спал, собрались поболтать. Какой-то осведомлённый Бета загадочно произнёс:

— Вы знаете? К нам в компанию приходит новый президент, старший сын нашего председателя.

— Правда, что ли?

Цинь Жао убрал со своего стола, надел наушники и стал выбирать музыку на телефоне.

Люди по соседству продолжали сплетничать, их голоса доносились сквозь музыку:

— Двадцать семь лет, Альфа, красивый и перспективный, зовут Гу...

В наушниках заиграла лёгкая фортепианная мелодия, отрезая его от внешнего мира. Цинь Жао надел маску для сна и откинулся на спинку стула, чтобы отдохнуть.

Днём стали известны результаты Гу Цзиньчи: по математике он набрал на 40 баллов больше, чем раньше. Цинь Жао выдохнул и выключил телефон.

Распечатав и скрепив документы, он поднялся на лифте в кабинет нового президента. Постучал — никто не ответил. Цинь Жао взглянул на часы: два часа дня.

Обычно сотрудники компании заканчивали работу в пять тридцать, возможно, президент ушёл домой пораньше. Цинь Жао слегка повернул ручку двери и обнаружил, что она не заперта.

Он вошёл — в огромном кабинете было пусто.

Цинь Жао положил документы на видное место и уже собирался уйти, как вдруг дверь в комнату отдыха приоткрылась, и оттуда кто-то вышел.

Гу Минтай был с голым торсом, его рельефные, тренированные мышцы отливали здоровым пшеничным цветом. На нём были лишь изысканно сшитые брюки от костюма, облегаящие длинные ноги.

Из-за того, что он только проснулся, во взгляде Гу Минтая ещё читалась сонная раздражительность, а маленькая родинка на нижней губе делала его образ ещё более выразительным.

Цинь Жао был ошеломлён этой сценой. Он не ожидал, что первая встреча с новым президентом произойдёт в таком виде.

И он никак не ожидал, что новым президентом окажется Гу Минтай.

— Господин Гу... — невольно сорвалось с губ Цинь Жао, но он тут же поправился: — ...Господин Президент.

Реакция Гу Минтая была такой же:

— Учитель Цинь? Вы... работаете здесь?

— Да.

<http://bllate.org/book/27113/3275680>